

УДК 81'42
ББК 81.0

И.И. Радченко

АСПЕКТЫ И СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПЕЧАТНЫХ СМИ НА ЧИТАТЕЛЯ

Исследуются вопросы, связанные с особенностями речевого воздействия печатных СМИ на читателя – вопросы авторского использования разноуровневых средств интенсивности, повторов, негации, их структура и способы выражения, а также роль в описании и оценке освещаемых в газетной статье событий и явлений.

Ключевые слова: *информационное общество, газетный текст, категория интенсивности, комбинированный повтор, категория отрицания.*

Радченко Иван Иванович – канд. филол. наук, докторант кафедры русского языка и культуры речи факультета лингвистики и словесности Южного федерального университета.

Тел.: 8-951-497-37-61
E-mail: ogneva@zsro.ru

Многие исследователи справедливо считают, что современное общество находится в эпоху перехода к качественно новой форме существования, а именно – к информационному обществу, которое, впоследствии, сформирует информационную цивилизацию [Абдеев; Назаретян; Цымбал], т.е. общество, в котором социально-общественные связи формируются в процессе создания, передачи, распространения и хранения информационных потоков. Информационное воздействие, таким образом, осуществляется посредством коммуникативно-информационных каналов. Одним из которых и являются печатные СМИ.

Воздействие путем газетных текстов является одним из наиболее эффективных в силу не критического их восприятия читателем, обоснованного спецификой такого творчества.

Каждый газетный текст имеет своей основой конкретные факты и ситуации. Публицист фиксирует их, обогащая аудиторию СМИ новыми сведениями, новыми знаниями (информирование). В газетном тексте обязательно разрабатывается определенная тема, касающаяся оперативных или проблемных ситуаций в экономике, политике, науке, культуре, быте и т.д., содержится анализ действительности и система логических суждений, доказательств и рекомендаций, нацеленных на изменение сложившихся ситуаций. Наконец, каждый газетный текст – это эмоционально-образный авторский монолог. Журналист стремится

ся передать не только свои мысли, но и чувства, свое видение и восприятие окружающего мира.

Исследуя способы выражения эмоций персонажей в газетном тексте, сценарии эмоциогенных ситуаций и их последствия, отраженные в повествовании, можно с уверенностью говорить о непосредственной связи между языковым представлением эмоционального состояния говорящего и коммуникативной ситуацией-стимулом. Знание структуры эмоционального сценария позволяет дифференцировать оценочное значение высказывания – позитивное или негативное, – лежащее в основе вербализованной эмоции, а также выявить специфику когнитивных процессов, определяющих способы выражения эмоциональных переживаний.

Осознанно или неосознанно репрезентации эмоций всегда предшествует оценка ситуации по нескольким параметрам. Когнитивные принципы, обеспечивающие переживание эмоций, – это, прежде всего, желательность/нежелательность события и его последствий, которая влияет на интенсивность эмоции и является главным критерием оценки. Следующий компонент – одобрение/неодобрение как реакция на действие другого лица или самого испытывающего эмоциональные переживания. Не менее значим и параметр привлекательности объекта эмоции, в качестве которого может выступать и событие, и другой человек, и сам субъект эмоциональной ситуации. Эмоция представляет собой способ понимания мира, а репрезентация эмоционального состояния имеет своей целью изменить отношение читателя к миру, а значит, в какой-то степени и сам мир.

Актуализация смысла эмотивно-оценочных языковых средств в газетном тексте создается взаимодействием в нем общезыкового и индивидуально-авторского начал, коллективного и личностного сознания. Прагматика газетного текста, тип авторства, стиль авторского мышления определяют те эмотивно-оценочные смыслы, которые становятся доминирующими в произведении и которые эмоционально воздействуют на сознание читателя-интерпретатора, меняя его отношение к миру и сам окружающий его мир.

Надо отметить, что основной эффект медиацентрации – это эффект преувеличения. Мы живем в мире преувеличенного значения медиафигур, преувеличенного значения себя как их зрителя и читателя и преувеличенного значения СМИ.

А отсюда и интерес к использованию в текстах СМИ типичных лингвистических средств формирования эмоционального состояния газетных персонажей. К ним надо отнести в первую очередь разноуровневые средства категории интенсивности, повторы, отрицания.

Функция воздействия (экспрессивная функция), важнейшая для газетно-публицистического стиля, обуславливает острую потребность публицистики в оценочных средствах выражения. И публицистика берет из литературного языка практически все средства, обладающие свойством оценочности.

Журналист так или иначе, осуществляет выбор – описывает одни факты и оставляет без внимания другие. Таким образом, аудитории всегда преподносится уже оцененная с той или иной позиции информация. Журналист берет то «самое важное», то «самое интересное», то «самое необычное», то «самое показательное», и оценка осуществляется за счет указания на проявление признаков факта выше или ниже привычной для читателя нормы интенсивности: «“Олимпийский” ломился от зрителей, после каждого богатырского удара Сафина вопивших: “Марат, мы тебя любим!”» (Комсомольская правда. 2009. 24 окт.).

В данном примере автор выражает свою позицию по отношению к грандиозному матчу М. Сафина такими лексическими интенсивами, как «ломился», «вопивших», «богатырский», что довольно ярко характеризует и уровень поведения болельщиков на спортивных соревнованиях, и причину необыкновенного успеха Сафина, и в то же время создающими иллюзию близости к простому читателю благодаря употреблению разговорных единиц.

Надо отметить, что арсенал используемых журналистами средств интенсификации очень широк. От наиболее продуктивных лексических средств выражения категории интенсивности до морфологических и синтаксических. Но наиболее часто авторами употребляются одновременно разноуровневые средства интенсификации, что придает высказыванию еще большую тональность и в конечном итоге служит более эффективному воздействию на читающую аудиторию, при этом контрастно сопоставляются интенсивы и деинтенсивы, создавая дополнительный эффект экспрессии (беспредела).

«Акция, направленная против привилегий, имела более глубокий смысл – протест против беспредела власть имущих и полной незащищенности обычных граждан» (Наше время. 2010. 20 мая).

В данном примере кваликативный интенсив, выраженный сравнительной степенью прилагательного «более глубокий», усиливает смысл авторской позиции, нашедшей свое отражение в содержании второй части предложения, где с помощью интенсива и деинтенсива, выраженных морфологически («беспредела» и «незащищенности») автор, на контрастном сопоставлении, описывает положение «власть имущих» и «полной незащищенности обычных людей», где слово «полной» усиливает смысл деинтенсива «незащищенности».

Еще более интересно в этом же плане построение следующей фразы: *«В ситуации “синих ведерок” есть один нюанс – это не просто протест, это осмеяние»* (Наше время. 2010. 20 мая).

Здесь использованием квантитативного интенсива «есть один нюанс» подчеркивается авторское отношение к бессмысленности подобных протестных действий и в то же время отмечается тот маленький плюс, который, с точки зрения автора, все же есть в этих действиях – и который выражается использованием повтора «это», причем повтора, построенного не на усилении предыдущего смысла, а на частичном от-

рицании за счет противопоставленных контрастно по смыслу интенсификов и деинтенсива: «... *это не просто протест, это осмеяние*».

Этот же авторский прием, когда последующая часть фразы «*отрицая*» усиливает предыдущую, мы наблюдаем и в следующем предложении: «*Ох как же хочется партии власти (в широком смысле этого слова) все изменить так, чтобы ничего не менять!*» (Наше время. 2010. 20 мая).

«*Чтобы там не говорили, но доходы депутатов довольно точно повторяют картину с избирателями. А именно: налицо огромный разрыв между “богатыми” и “бедными”*» (Российская газета. 2010. 20 мая).

В приведенном примере квалитативный интенсификатор, выраженный наречным сочетанием «*довольно точно*» демонстрирует авторскую позицию, его точку зрения на социальное расслоение общества.

К специализированным средствам интенсификации, наиболее часто употребляемым на газетных страницах, надо отнести наречия меры и степени, примыкающие обычно к прилагательным, глаголам, другим наречиям, словам категории состояния, реже зависящие от существительных, числительных, местоимений; использование интенсификатора с наречием-интенсификатором.

«*По словам известного ростовского психолога, первые пострадавшие съели, видимо, по нескольку семян, а потому их состояние было **значительно легче***» (Вечерний Ростов. 2009. 09 окт.).

В данном примере интенсификатор «*легче*» усилен интенсификатором – наречием «*значительно*».

В качестве интенсификов мы находим имена прилагательные, определяющие величину, размеры предметов, степень проявления признака, силу чувств. Например: «*Женщина живет в частном доме, и у ее соседки на участке вырос **огромный** гриб, похожий на шампиньон*» (Вечерний Ростов. 2009. 09 окт.).

«*На этой неделе состоится торжественный ввод производства в эксплуатацию*» (Город N. 2009. 13 окт.).

Надо отметить, что эмоциональность текста приводит к включению в его структуру дополнительных элементов. Одним из таких элементов является повтор, сигнализирующий, как правило, о наличии в тексте эмоциональных коннотаций [Карпов, с. 13].

Как правило, и это подтверждает наше исследование, в газетном тексте наиболее продуктивен комбинированный тип повторов – совмещение двух или более его разновидностей. Комбинированный тип ярко демонстрирует мастерство автора, усложняет семантическую структуру повествования. В результате текст привлекает изощренным смысловым узором, становится интересным для читателя.

Анализ газетных текстов показывает, что практически в каждом повторе, и прежде всего в лексическом, можно обнаружить как сочетание различных видов звукового повтора, так и взаимодействие звукового повтора с повтором других уровней языка, т.е. в таком случае мы и имеем комбинированный тип повтора. Например: «*И **черная** лапа будет*

чертит когтем по причудливому фиолетовому рисунку родимого пятна, натянутого на шар адской Державы скальна Предателя...» (Завтра. 2011. Март). В данном примере мы встречаем самый распространенный тип звукового повтора – аллитерацию – повторение однородного согласного смычно-щелевого звука [ч]. Употребление данного типа повтора объясняется доминирующим положением согласных в фонетической системе русского языка, так как именно они играют в языке основную смыслоразличительную роль. Авторское использование данного повтора максимально усиливает смысловое содержание предложения в газетной статье, раскрывая несправедливые – «черные» деяния субъекта.

Еще пример: *«Чур меня! Некоторые заявления Чурова таковы, что остается только развести руками в недоумении»* (Советская Россия. 2009. 24 окт.). Данное сочетание двух предложений очень тесно связано по своему смыслу. *Чур меня!* – «Возглас... которым запрещают касаться чего-нибудь, переходить за какой-нибудь предел [первоначально в заклипаниях, где слово чур означает границу, межу]» [Ожегов. с. 790].

Данным предложением автор как бы очерчивает круг понимания заявлений председателя Центризбиркома Чурова, без него эти заявления уже непонятны. Одним из способов связи смысла этих двух предложений и служит аллитерический повтор, представляющий собой повторение смычно-щелевого звука [ч].

В газетных текстах мы часто встречаем и такие типы фонетического повтора, как анафора и эпифора. Например: *«Нет не поверите, не остаться там и даже не для того, чтобы найти там мужа, и не для того... Ну, в общем не для корыстных целей»* (Ростов официальный. 2011. 28 сент.).

В этом отрывке из 25 слов – 8 начинаются на сонорный звук [н]. Анафорическое употребление звука [н] в сочетании с лексическим повтором отрицания «не», усиленного частицей «даже», и повтор части целевого союза «не для того» все вместе формирует комбинированный повтор и придает повествованию определенную бессмысленность высказываний героини статьи.

Интересен и следующий пример, в котором можно увидеть не характерное для прозы повторение конечных звуков: *«Если бы я [П.П. Бородин. – И.Р.] был не дебил, я бы в Лондоне жил и “Челси” купил. А я вот дебил и поэтому буду жить и работать для людей»* (Коммерсант. 2011. 25 нояб.). Безусловно, что использование здесь в качестве эпифоры конечных звуков [л] и сочетания [бы], а также звуковые повторы за счет однородных сказуемых, выраженных прошедшим временем глагола, способствуют созданию определенной рифмы, характерной для «белого стиха». В этом примере комбинированный повтор образовался в результате повтора конечного согласного сонорного звука [л], лексического повтора слова «дебил» и грамматического повтора частицы «бы».

Часто встречаются в газетных текстах повторы на морфологическом и словообразовательном уровнях. В зависимости от повторяющейся

ся морфемы мы различаем: корневой и аффиксальный словообразовательный повтор и формообразующий повтор.

Например: «*Есть люди в их окружении, которые нашептывают: Бородин то не **сделал** и это не так **сказал***» (Коммерсант. 2011. 25 нояб.).

«*Я им все делал: вытаскивал из тюрьмы, давал квартиры, дачи, машины*» (Коммерсант. 2011. 25 нояб.).

В этих предложениях мы имеем формообразующий повтор, выраженный формой прошедшего времени глагола одного вида и имеющий формальный показатель – формообразующий суффикс [л].

Причем в тексте эти два предложения идут одно за другим. В результате мы имеем предложения, построенные на контрасте. Если в первом предложении повтор еще и усилен повтором отрицательной частицы «не», что придает всему предложению отрицательное значение, то во втором, наоборот, положительные действия еще и усиливаются количественным интенсификатором, выраженным собирательным местоимением «все».

Еще пример: «*А потом без всякой бумажки **выступал** [В.В. Путин. – И.Р.] почти час, **говорил** страстно, увлеченно, очень доступно*» (Комсомольская правда. 2011. 11 апр.).

Здесь мы находим формообразующий дистантный повтор глагола в форме прошедшего времени и семный контактный повтор наречий, усиленный еще и частицей «очень». Использование данных повторов характеризует речь выступающего с самой лучшей стороны: выступал долго, но выступление, несмотря на это, было интересным, понятным, а значит и выслушанным.

Интересен следующий пример комбинированного повтора, где мы находим повторение конечного звука «т» в формах настоящего времени, множественного числа, третьего лица в глаголах «*могут*», «*хотят*» и «*умеют*»: «*Они есть и сегодня – те, которые **могут**, **хотят** и **умеют** много работать для страны, а не только для себя*» (Аргументы и факты. 2011. 27 янв. – 03 февр.).

Пример интересен тем, что данные глаголы имеют разные формообразующие флексии: *-ут*; *-ят*, *-ют*. То есть здесь мы видим и повторение на уровне грамматического значения слов.

Одинаковые корни повторяются в следующем примере словообразовательного повтора:

«*Драматическая история связана с национальным проектом “Доступное жилье”: строительные **монополисты**, как и положено **монополиям**, ответили на расширение спроса (за счет притока в страну нефтедолларов и развития ипотечных кредитов) не ростом предложения, а фантазмагорическим взлетом цен, сделав жилье окончательно недоступным для большинства россиян*» (Известия. 2011. 25 марта).

Надо отметить, в газетных текстах редко встречаются повторы в корневых формах, а также мы не находим близкого к этим конструкциям явления тавтологии.

Для адресата опровержение его представлений, предположений о наличии какого-то факта является неожиданным, а само высказывание об этом экспрессивно и эмоционально окрашенным. Любые отрицательные высказывания в той или иной степени неизбежно вызывают удивление адресата (читателя), а следовательно, всегда экспрессивны и неслучайно их широко используют на страницах газет.

Корреспонденты активно используют категорию отрицания в целях формирования гармонизации газетного текста, создания эффекта контрастности.

Противопоставление, образуя бинарные оппозиции, охватывает все сферы жизни и является универсальным средством воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата. Являясь способом эмпирического познания мира, оно проявляется в языке, прежде всего, в форме антонимии. Этот способ художественного восприятия представлен в языке в виде стилистического приема антитезы. Крайним противопоставлением является контрастность.

Отрицание может быть заключено в семантике слова. Например: *«Они говорят: "Невозможно с ними работать, принять решение невозможно"»* (Коммерсант. 2012. 07 февр.).

В данном предложении мы наблюдаем повтор слова с отрицательным значением «невозможно».

Отрицательное значение может быть заключено в вопросительном предложении. Например, в статье, описывающей встречу В.В. Путина с политологами, из уст премьера прозвучала фраза: *«Какие там выборы судей, так же как и все другие выборы, так же как уплата налогов? Были налоги в Советском Союзе? Фиг! Никаких налогов не было. Это все называлось только соответствующим образом, а по сути, было совсем другим, так же как и выборность судей!»* (Коммерсант. 2012. 07 февр.). То есть характеризуя политическую систему советского строя, В.В. Путин по сути своего выступления утверждает, что в той (советской) системе *«не было выборов судей, не было никаких выборов, не было уплаты налогов»*. Таким образом, мы можем говорить, что в данном предложении использован семантический повтор, а вопросительно-утвердительные предложения имеют значение повествовательных отрицательных.

Интересно употребление отрицательного повтора и в следующем предложении, также прозвучавшем на встрече В.В. Путина с политологами: *«Я не думаю, что это сегодня правильно и вообще реализуемо и что это даст эффект хороший»* (Коммерсант. 2012. 07 февр.).

В данном примере мы наблюдаем перенос отрицания, выраженного отрицанием «не» в главной части предложения, на содержание придаточных изъяснительных предложений, не имеющих формальных показателей отрицания в своей структуре.

На этой же встрече с политологами В.В. Путин, характеризуя трендентов на главный пост страны, говорит: *«Что мне отрадно: ни один из действующих, претендующих на должность президента людей, ни один не предаст интересы страны.»* (Коммерсант. 2012. 07 февр.).

Этот пример интересен тем, что в нем употреблен повтор деинтенсива, выраженный числительным, это лексический бесконтактный повтор, который еще и усиливается повторяющейся отрицательной частицей «ни». Сам же повтор усиливается отрицанием частицы «ни» в сочетании «ни один». Использование такого арсенала экспрессивных средств, дополняющих и усиливающих друг друга, позволяет четко и ясно дать одну из главных характеристик претендентов на должность президента страны – патриотизм.

Изучение феномена манипуляции, как одного из видов речевого воздействия, на сегодняшний день отвечает актуальным задачам ряда таких современных наук, как психолингвистика, прагматика речевого общения, психология коммуникации и т. д. Выявление, описание и характеристика различных видов манипуляции (как вербальной, так и невербальной) способствуют более глубокому пониманию процессов человеческой мыслительной и коммуникативной деятельности, позволяют выявить модели эффективного воздействия на реципиентов сообщения, а также объяснить ситуации, приведшие к неэффективному и / или конфликтному общению.

Так, наше исследование показало, что в газетных текстах при описании положительных фактов, как правило, используются разноуровневые средства интенсификации, которые еще и усиливаются использованием повторов.

Отрицательные конструкции, как правило, экспрессивны, так как цель их – воздействие на эмоции и сознание адресата, потому что отрицать можно лишь положительное знание о наличии предмета, существующего в когнициях читателя. Негация может усиливаться за счет использования средств категории интенсивности и повторов различного языкового уровня.

Таким образом, авторы газетных статей используют все возможные языковые экспрессивные средства, с тем чтобы передать информацию о каких-либо событиях, выразить к ним свое отношение и передать его читателю.

Газетный текст становится все более живым и экспрессивным, что вызвано, на наш взгляд, влиянием и конкуренцией со стороны электронных средств массовой информации, язык которых требует отдельного и серьезного изучения на предмет использования в них подобных средств.

Литература

- Абдеев Р.Ф. *Философия информационной цивилизации*. М., 1994.
Карпов Н.П. *Особенности структуры разговорной речи* // Структурные особенности разговорной речи. Иркутск, 1963.
Назаретян А.П. *Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой литературы*. (Синергетика исторического процесса). М., 1996.
Цымбал Л.А. *Синергетика информационных процессов*. М., 1995.